

СКОЛЬКО ЛЕТ ЧИПОЛЛИНО?

В НАШЕЙ «ГОСТИНОЙ» —
УЧАСТНИКИ СМОТРА
ТВОРЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ
ТЕАТРА

В эти весенние дни молодые актеры Свердловска и области переживают большое событие в своей творческой жизни — очередной этап Всесоюзного смотра творческой молодежи театров. Чего достиг актер за два года, насколько вырос профессионально, над чем ему еще предстоит работать? — на эти вопросы и должен ответить смотр. В Свердловском театре кукол смотр уже закончился. В нем приняли участие двенадцать молодых — десять актеров, режиссер и художник. Просмотровая комиссия проанализировала показанные на смотре работы, обсудила их, подвела итоги. А что думают о смотре сами его участники? Шестеро из них сегодня в нашей «Гостиной». Сегодня — слово им.

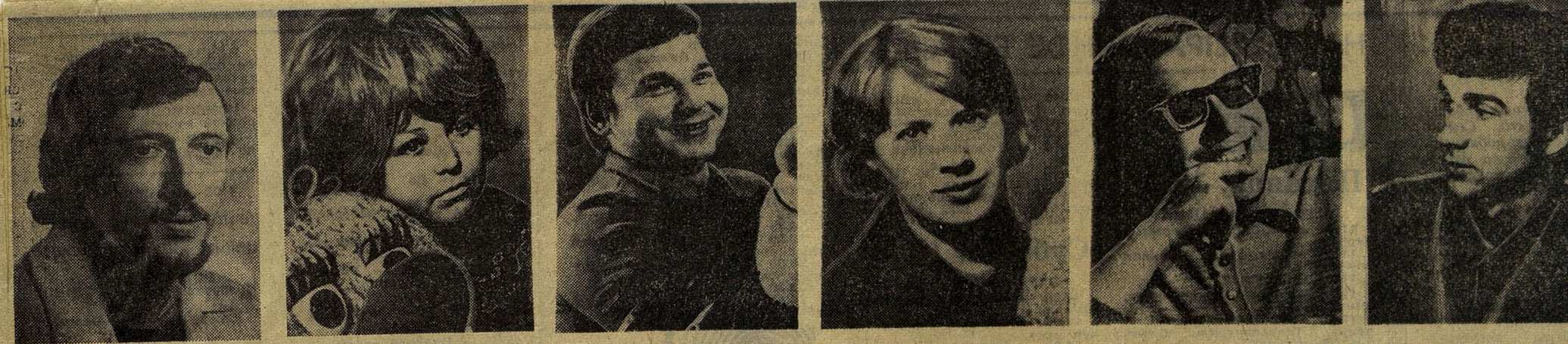
Александр ВОЛОДЕЕВ.
В театре работает с 1973 года. Работа, представленная на смотр, — Бармалей в спектакле «Африка, Африка!».
— Участие в смотре молодых было для нас очень полезным. Смотр — как экзамен — заставляет подтянуться, собраться. Интересно было узнать мнение профессионалов, теоретиков о своей работе, мнение, которое мы слышим нечасто.
Еще одно достоинство смотра — мы смогли наконец-то посмотреть работы своих товарищей. А то в будничной тучке получается так: работаем в одном театре, но друг друга, как актеров, не знаем и не видим.
Леонид ГРИЦАЙЧУК.
Стаж работы в Свердловском театре кукол — 6 лет. Смотровая роль — Лис в спектакле «Медвежонок Римтимти».
— По-моему, смотр прошел не на том уровне, на каком мог

бы пройти. Может быть, это произошло потому, что все мы очень волновались — к нам приехали гости, нас смотрела строгая комиссия. Но, наверное, главная причина все-таки не в этом.
Мы не были по-настоящему готовы к смотру. Смотровые спектакли нужно было дополнительно репетировать, «подчистить». Конечно, каждый свой спектакль мы должны играть как можно лучше, но ведь смотр — дело особое. Это событие в жизни актера, своеобразный экзамен, если хотите. А на экзамен надо придти подготовленным.
Галина ДЕЯКИНА.
Галя самая опытная из всех участников смотра. Уже 10 лет работает она в театре кукол. На смотре «показывалась» в роли обезьянки Чичи в спектакле «Африка, Африка!».
— Да, организация смотра оставляла желать лучшего. Прежде всего, с самого начала были неясны сроки. Нам сказали: «Смотр будет в конце февраля...». Мы волновались, с большим подъемом сыграли спектакль, а оказалось — в этот день нас комиссия не смотрела. Да и тогда, когда сроки проведения смотра все же были установлены, сохранялась какая-то неопределенность: «Вот в воскресенье вас, кажется, будут смотреть...» «Кажется!»
И, конечно, режиссеру надо бы откорректировать спектакль перед смотром, проследить, чтобы не было на нем печати старости, затасканности. А что произошло на смотре со спектаклем «Чиполлино» — его показали сразу после нескольких гастрольных поездок, актеры не отдохнули... И в результате играли гораздо ниже своих возможностей.
Надежда ВОРОПАЕВА.
В театре работает 4 года. Смотровая роль — Римтимти («Медвежонок Римтимти»):
— А мне кажется, что какая-

то специальная подготовка к смотру вообще ни к чему. Смотр должен быть не демонстрацией идеальных спектаклей, а объективным показом наших работ, таких, какими их видит каждый день ребята в зале.
Другое дело, что корректировать, «освежать» спектакли надо периодически, независимо от смотра.
Г. ДЕЯКИНА:
— Я согласна с тобой только наполовину. Конечно, хотелось бы, чтобы придирчивый взгляд специалиста оценивал нашу работу как можно чаще. Но «засекречивать» смотр нельзя ни в коем случае. Да, он прибавляет нам волнения. И волнение это часто идет во вред роли. Но и польза его огромна. Играть с полной отдачей надо всегда, тем более для нашего зрителя, который не прощает никакой фальши. Но должны быть в жизни актера такие моменты, когда начинаешь совершенно по-особому сознавать свою ответственность. Эти моменты и не дают

15 MAR 1974

НА ОМЕНИУ
Г. Свердловск

нашей работе превращаться в будни. Они мобилизуют нас, «встряивают», что ли.
И мне кажется, что смотр должен быть не только экзаменом, но и праздником для актера.
Вообще же я тоже очень рада, что такой смотр прошел в нашем театре. Первый раз в жизни, впервые за десять лет в театре я услышала разбор своей работы специалистами.
ДА, большинство молодых актеров предоставлены сейчас самим себе. Они почти не слышат критики в свой адрес — ни от коллег, ни от режиссеров, ни от компетентных теоретиков. Смотр — единственная, к сожалению, пока возможность подробного анализа работ молодых. А кому, как не молодому актеру в период становления его творческой индивидуальности, нужно постоянное наблюдение за его работой, деловые замечания, поддержка по ходу этой работы, умный совет, данный вовремя? Ведь без этого невозможно то, что мы называем «воспитанием молодого актера».
Давно настала пора подумать о том, как наладить постоянную, а не от случая к случаю помощь театральной молодежи со стороны специалистов.
Наверное, имеет смысл пересмотреть, вернее, уточнить и критерии оценки работ актеров. Необходим дифференцированный подход к работам: будь то ввод, или эпизод, или самостоятельная работа. Непременно нужно учитывать и опыт работы актера в театре — с актера, проработавшего в театре пять лет, спрос другой, чем с актера, который играет свой первый сезон.
Кроме того, молодым актерам театра кукол было бы, вероятно, и полезней, и интересней услышать на обсуждении замечания комиссии не

только по актерской технике — «хорошо водит куклу» или, наоборот, «плохо водит» — а более подробный анализ того, насколько удалось молодому актеру создать образ в целом. Ведь сколько бы ни говорилось о специфичности искусства театра кукол, он все же остается театром.
Л. ГРИЦАЙЧУК:
— Возможно, из-за чрезмерной деликатности по отношению к нам анализ смотровых работ иногда шел по принципу «хорошо — плохо».
Больше всего мне запомнилось выступление Елены Сергеевны Захаровой. Это был очень заинтересованный, очень принципиальный и в то же время доброжелательный анализ нашей работы.
Что и говорить, приятнее, когда тебя хвалят. Но когда критика носит такой конструктивный, творческий характер, ее и воспринимаешь по-иному, с чувством благодарности, с сознанием ее пользы для себя.
Николай ЛЯЛИН.
В театре работает 9 лет. На смотре выступал в ролях папы Медведя («Медвежонок Римтимти») и Трактирщика («Фантазия барона Мюнхаузена»):
— На обсуждении смотровых работ мнения о моем Трактирщике разделились. Говорили, что у меня появился излишний «нажим», отчасти — игра на публику. Мне трудно самому оценить свою работу, но, признаться, я допускаю, что все это действительно у меня было.
Понимаете, у нас еще часто недостает внутренней логики образа, конкретности характера. Очень хотелось бы, чтобы, уделяя по-прежнему много внимания форме спектакля, изобразительным средствам, наша режиссура больше работала над сущностью характеров персонажей, чтобы, размышляя о том, как говорить со сцены, какими средствами, мы все время думали, о чем говорить, какую мысль

донести через тот или иной прием.
ВЫСТУПАЯ на обсуждении смотровых спектаклей, театровед Л. Д. Немченко спросила артистку, исполняющую главную роль в спектакле «Чиполлино»: «Сколько лет вашему герою?»
Вопрос застал актрису врасплох. А ведь за этим странным, на первый взгляд, вопросом — проблема, очень важная для театра.
Современный театр кукол все больше уходит от внешней «похожести» куклы на живого человека. Все шире используется условность, присущая этому виду искусства, все больше доверяются фантазии ребенка. Но, наверное, чем больше уходит театр от внешнего правдоподобия, тем больше внимания уделяется внутренней правде характера героя. Кукла может быть сколь угодно условной, но характер ее должен быть совершенно конкретным. Только тогда у деревянной куклы появится настоящая человеческая душа.
В сегодняшних спектаклях театра еще очень часто характер героя остается слишком абстрактным. Как сказала член комиссии заслуженная артистка РСФСР Е. Захарова, вместо образов появляются «образки».
Очень тесно с этой связана и другая проблема. Слишком во многих спектаклях театра пока главное внимание уделяется событийной стороне действия. За каскадом поступков и приключений персонажей нередко теряется идея спектакля, его мысль. Так случилось в «Африке, Африке!», отчасти в «Фантазиях барона Мюнхаузена».

Театру хочется пожелать более внимательно изучать своего зрителя, его интересы, уровень развития. У каждого спектакля театра должен быть четкий адрес, зритель определенного возраста, к которому обращен он.
Не случайно все выступавшие так единодушно назвали лучшим спектаклем театра «Медвежонок Римтимти» жиссер Р. Виндерман. В этом случае своим успешным спектаклем обязан умело взаимодействовать между сценой и зрителем, к которому подчинены все изобразительные средства постановки.
В ЭТОМ году одним из участников смотра стал режиссер театра Роман Виндерман. Мы попросили его рассказать, что привлекает в его работе с актерами его стиль.
Г. ДЕЯКИНА:
— Труппа нашего театра — молодежная. И мы очень рады, что теперь у нас молодой главный режиссер. Виндерман упорно ищет новые формы, поиски эти очень интересные. Он хорошо чувствует ку-

СКОЛЬКО ЛЕТ ЧИПОЛЛИНО?

В НАШЕЙ «ГОСТИНОЙ» —
УЧАСТНИКИ СМОТРА
ТВОРЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ
ТЕАТРА

В эти весенние дни молодые актеры Свердловска и области переживают большое событие в своей творческой жизни — очередной этап Всесоюзного смотра творческой молодежи театров. Чего достиг актер за два года, насколько вырос профессионально, над чем ему еще предстоит работать? — на эти вопросы и должен ответить смот.

В Свердловском театре кукол смот уже закончился. В нем приняли участие двенадцать молодых — десять актеров, режиссер и художник. Просмотровая комиссия проанализировала показанные на смотре работы, обсудила их, подвела итоги. А что думают о смотре сами его участники? Шестеро из них сегодня в нашей «Гостиной». Сегодня — слово им.

сказали: «Смот будет в конце февраля...». Мы волновались, с большим подъемом сыграли спектакль, а оказалось — в этот день нас комиссия не смотрела. Да и тогда, когда сроки проведения смотра все же были установлены, сохранялась какая-то неопределенность: «Вот в воскресенье вас, кажется, будут смотреть»... «Кажется»!

И, конечно, режиссеру надо было откорректировать спектакль перед смотом, проследить, чтобы не было на нем печати старости, затасканности. А что произошло на смотре со спектаклем «Чиполлино» — его показали сразу после нескольких гастрольных поездок, актеры не отдохнули... И в результате играли гораздо ниже своих возможностей.

Надежда ВОРОПАЕВА.
В театре работает 4 года. Смотровая роль — Римтимти («Медвежонок Римтимти»):
— А мне кажется, что какая-

то специальная подготовка к смоту вообще ни к чему. Смот должен быть не демонстрацией идеальных спектаклей, а объективным показом наших работ, таких, какими их видят каждый день ребята в зале.

Другое дело, что корректировать, «освежать» спектакли надо периодически, независимо от смотра.

Вот, скажем, моя смотровая роль — Римтимти. «Ввелась» на эту роль быстро (до этого медвежонок играла другая актриса). Сначала на свой страх и риск попыталась найти какой-то характер образа. А теперь сама чувствую, что «заштамповала» роль: не было возможности уточнить акценты, закрепить найденное, проверить себя. Нужен был взгляд со стороны. Таким «взглядом» и стал для меня смот. Вот за это и благодарна я членам комиссии, особенно Михаилу Михайловичу Королеву.

А вообще-то я бы хотела, чтобы смот шел «тайком» от актера. Я себя страшно неловко чувствовала от сознания, что на меня смотрят члены комиссии. Может, это оттого, что мы вообще не привыкли часто видеть в зале профессионалов.

Г. ДЕЙКИНА:

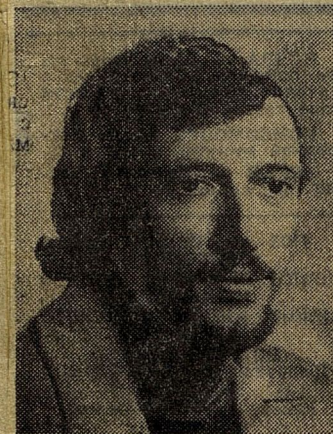
— Я согласна с тобой только наполовину. Конечно, хотелось бы, чтобы придирчивый взгляд специалиста оценивал нашу работу как можно чаще. Но «засекречивать» смот нельзя ни в коем случае. Да, он прибавляет нам волнения. И волнение это часто идет во вред роли. Но и польза его огромна. Играть с полной отдачей надо всегда, тем более для нашего зрителя, который не прощает никакой фальши. Но должны быть в жизни актера такие моменты, когда начинаешь совершенно по-особому созавать свою ответственность. Эти моменты и не дают

нашей работе превращаться в будни. Они мобилизуют нас, «встряхивают», что ли.

И мне кажется, что смот должен быть не только экзаменом, но и праздником для актера.

Вообще же я тоже очень рада, что такой смот прошел в нашем театре. Первый раз в жизни, впервые за десять лет в театре я услышала разбор своей работы специалистами.

А, большинство молодых актеров предоставлены сейчас самим себе. Они почти не слышат критики в свой адрес — ни от коллег, ни от режиссеров, ни от компетентных теоретиков. Смот — единственная, к сожалению, пока возможность подробного анализа работ молодых. А кому, как не молодому актеру в период становления его творческой индивидуальности, нужно постоянное наблюдение за его работой, деловые замеча-

ния, поддержка по ходу этой работы, умный совет, данный вовремя? Ведь без этого невозможно то, что мы называем «воспитанием молодого актера».

Давно настала пора подумать о том, как наладить постоянную, а не от случая к случаю помощь театральной молодежи со стороны специалистов.

Наверное, имеет смысл пересмотреть, вернее, уточнить критерии оценки работ актеров. Необходим дифференцированный подход к работам: будь то ввод, или эпизод, или самостоятельная работа. Непременно нужно учитывать и опыт работы актера в театре — с актера, проработавшего в театре пять лет, спрос другой, чем с актера, который играет свой первый сезон.

Кроме того, молодым актерам театра кукол было бы, вероятно, и полезней, и интересней услышать на обсуждении замечания комиссии не

только по актерской технике — «хорошо водит куклу» или, наоборот, «плохо водит» — а более подробный анализ того, насколько удалось молодому актеру создать образ в целом. Ведь сколько бы ни говорили о специфичности искусства театра кукол, он все же остается театром.

Л. ГРИЦАЙЧУК:

— Возможно, из-за чрезмерной деликатности по отношению к нам анализ смотровых работ иногда шел по принципу «хорошо — плохо».

Больше всего мне запомнилось выступление Елены Сергеевны Захаровой. Это был очень заинтересованный, очень принципиальный и в то же время доброжелательный анализ нашей работы.

Что и говорить, приятнее, когда тебя хвалят. Но когда критика носит такой конструктивный, творческий характер, ее и воспринимаешь по-иному, с чувством благодарности, с сознанием ее пользы для себя.

Николай ЛЯЛИН.

В театре работает 9 лет. На смотре выступал в ролях папы Медведя («Медвежонок Римтимти») и Трактирщика («Фантазия барона Мюнхаузена»):

— На обсуждении смотровых работ мнения о моем Трактирщике разделились. Говорили, что у меня появился излишний «нажим», отчасти — игра на публику. Мне трудно самому оценить свою работу, но, признаюсь, я допускаю, что все это действительно у меня было.

Понимаете, у нас еще часто недостает внутренней логики образа, конкретности характера. Очень хотелось бы, чтобы, уделяя по-прежнему много внимания форме спектакля, изобразительным средствам, наша режиссура больше работала над сущностью характеров персонажей, чтобы, размышляя о том, как говорить со сцены, какими средствами, мы все время думали, о чем говорить, какую мысль

донести через тот или иной прием.

ВЫСТУПАЯ на обсуждении смотровых спектаклей, театровед Л. Д. Немченко спросила артистку, исполняющую главную роль в спектакле «Чиполлино»: «Сколько лет вашему герою?».

Вопрос застал актрису врасплох. А ведь за этим странным, на первый взгляд, вопросом — проблема, очень важная для театра.

Современный театр кукол все больше уходит от внешней «похожести» куклы на живого человека. Все шире используется условность, присущая этому виду искусства, все больше доверяются фантазии ребенка. Но, наверное, чем больше уходит театр от внешнего правдоподобия, тем больше внимания уделяется внутренней правде характера героя. Кукла может быть сколь угодно условной, но характер ее должен быть совершенно конкретным. Только тогда у деревянной куклы появится настоящая человеческая душа.

В сегодняшних спектаклях театра еще очень часто характер героя остается слишком абстрактным. Как сказала член комиссии заслуженная артистка РСФСР Е. Захарова, вместо образов появляются «образики».

Очень тесно с этой связана и другая проблема. Слишком во многих спектаклях театра пока главное внимание уделяется событийной стороне действия. За каскадом поступков и приключений персонажей нередко теряется идея спектакля, его мысль. Так случилось в «Африке, Африке!», отчасти в «Фантазиях барона Мюнхаузена».

Театру хочется пожелать более внимательно изучать своего зрителя, его интересы, уровень развития. У каждого спектакля театра должен быть четкий адрес, зритель опреде-

ленного возраста, к которому обращен он.

Не случайно все выступавшие так единодушно назвали лучшим спектаклем театра «Медвежонок Римтимти» (режиссер Р. Виндерман). В данном случае своим успехом спектакль обязан умело найденному взаимопониманию между сценой и зрителями, точно определенному адресу его, которому подчинены и все изобразительные средства постановки.

В ЭТОМ году одним из участников смотра стали режиссер театра Роман Виндерман. Мы попросили ребят рассказать, что привлекает их в его работе с актерами, в его стиле.

Г. ДЕЙКИНА:

— Труппа нашего театра — молодежная. И мы очень рады, что теперь у нас молодой главный режиссер. Виндерман упорно ищет новые формы, и поиски эти очень интересны. Он хорошо чувствует куклу

и, что самое главное, у него огромная фантазия.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ мы обратились к новому главному режиссеру театра Роману Виндерману с вопросом о том, какое впечатление от смотра осталось у него.

Роман Михайлович ВИНДЕРМАН. Работает в театре 4 года. На смотре участвовал со спектаклем «Медвежонок Римтимти» и «Африка, Африка!»:

— В этом году нам очень повезло. Нас смотрела очень представительная комиссия. Это само по себе имеет большое значение для коллектива. Ведь говорят же спортсмены о том, какую роль играют для них международные встречи.

Что касается ребят, то они, на мой взгляд, показали ниже своих возможностей. Думаю, что во многом помешало чрезмерное волнение. Во всяком случае, у многих я видел гораздо более интересную работу в «рядовых» спектаклях.

Но как бы там ни было, а смот принес неоценимую пользу. Он для нас — важный этап в жизни театра. Польза его уже хотя бы в том, что смот позволяет «оглянуться» на достигнутое за два прошедших года, увидеть существенный рост наших ребят (а он для меня несомненен), заметить издержки своей работы.

Смот совпал для Р. Виндермана с назначением его главным режиссером театра. И, естественно, наш вопрос был о том, каким видит новый художественный руководитель будущее своего театра.

Р. ВИНДЕРМАН:

— Не хочу выдавать слишком больших авансов. Могу сказать только, что мы будем

продолжать поиски новых выразительных средств театра кукол. Ведь театр наш больше, чем наполовину, изобразительный.

Постараемся все это делать на хорошей драматургии, что вообще-то для кукольного театра пока довольно сложно. Полноценных пьес у нас слишком мало. Обнадёживает в этом отношении пьеса «Три счастливица» по мотивам сказок братьев Гримм, которую я сейчас репетирую.

В работе и еще один спектакль «Римтимти-мастер», продолжение приключений побившегося нашим зрителям медвежонок Римтимти. В более дальних планах — сценическая редакция лермонтовского «Мцыри».

По-прежнему сложное положение у нас со спектаклями для взрослых. И беда прежняя: драматургия слаба чрезвычайно. Думаю, для начала нам нужен очень яркий спектакль, который сможет привлечь взрослых в театр.

СМОТ в театре кукол закончен, но в других театрах он только начинается. И, наверное, организаторам его стоит учесть и достижения, и ошибки (первым всегда труднее!) театра кукол.

В том-то и особенность смотра, что он никогда не кончается. Все творчество театра — испытание, постоянная самопроверка.

Как сказал один из участников беседы, смот — и экзамен, и праздник.

На снимках (слева направо): Р. Виндерман, Г. Дейкина, А. Володеев, Н. Воропаева, Н. Лялин, Л. Грицайчук.

15 MAR 1974

НА ОМЕНИУ
г. Свердловска